

Секция «Глобалистика и геополитика»

Восточная Азия и Евразия: опыт сравнительного анализа системной динамики регионов

Шебло Олеся Дмитриевна

Кандидат наук

Университет Гакусюин, юридический, Токио, Япония

E-mail: sheblo.olesya@gmail.com

<?xml:namespace prefix = o ns = "urn:schemas-microsoft-com:office:office" />

Политическая стабилизация и продолжающийся экономический рост в восточноазиатских государствах неизменно побуждают научную общественность давать «теоретические авансы» региону в виде обнадёживающих прогнозов его развития. Изменяющимся с каждым десятилетием является при этом само определение структурного ядра региона. Если создание АТЭС в <?xml:namespace prefix = st1 ns = "urn:schemas-microsoft-com:office:smarts" />1989 г. дало начало политико-экономическому концепту открытого регионализма и его региону-цитадели – Тихоокеанской Азии, то благополучное преодоление китайской экономикой последствий Азиатского валютно-финансового кризиса 1997-1998 гг. заставило сделать предположение о том, что 21-й век будет веком Китая. Стабильный в последнее десятилетие темп роста индийской экономики в 5%, в свою очередь, склоняет исследователей к тому, чтобы сместить центр тяжести регионального взаимодействия в Южную Азию. Обзор смены парадигм: от тихоокеанской, к китайской и далее – к китайско-индийской, предлагает Скотт Д. [1]. Азиатские исследователи, однако, ищут способы закрепить и за АСЕАН ведущие позиции в региональной кооперации. Так, Исида М. пишет о необходимости увеличить японские инвестиции в проект «Великой зоны р.Меконг», поскольку в стратегической перспективе государствам Индокитая предстоит стать медиаторами в параллели интенсивного взаимодействия Индии и Китая [2, 49]. Тем самым предлагается трехсоставная модель Азии: АСЕАН-Индия-Китай.

Но как бы теоретически не моделировали азиатский регион, неизменно остаются попытки сравнения азиатского регионализма с американскими и европейскими вариантами [6, 7]. Это представляется не совсем верным, поскольку в двух последних случаях речь идет об автохтонных феноменах (даже идея панамериканизма более 200 лет, т.к. восходит она к трудам С.де Боливара). Вместе с тем всё большее число исследователей указывает на заимствованное происхождение самого термина «Азия» [3] и императивный характер регионального политического строительства, наблюдаемого в регионе с нач. XX века. По этой причине становится интересной попытка сравнения системной динамики региона Восточной Азии с другим опытом регионального моделирования: России на геополитическом пространстве Евразии, поскольку оно также было императивным по своей сути.

Сходство прослеживается уже при анализе исторических предпосылок формирования региональных политических общностей в Восточной Азии и Евразии: в к.19 – н.20 века главными можно назвать структурно-идеологические факторы. При формировании Советского Союза в к.1910-1920-х гг. очевидно преобладал идеологический фактор. Как противовес распространению в Европе правой идеологии, которая в виде монархизма привела к Первой мировой войне, а в виде фашизма – ко Второй мировой войне,

в государствах Восточной Европы закономерно было распространение левых идей и течений. Для территорий государств Кавказа и Средней Азии на тот период очевидным фактором, определившим присоединение к Советскому правительству, была угроза турецкого вторжения. Интересно, что Евразии, как политическому концепту, зарубежные исследователи нередко приписывают еще и автора (И.В.Сталина), пытавшегося оправдать ею свою экспансионистскую политику [4, 38]. В свою очередь, определяющим в формировании предвоенной идеологии японского империализма с его идеей Великой азиатской зоны со-процветания и со-развития многие исследователи считают прецедент европейского колониализма в регионе [5]. Получается, что распространение японского военного и экономического влияния в государствах ЮВА, Кореи и Северном Китае выступало альтернативой присутствию западных колониальных империй. Это соотносилось с идейно-политическими тенденциями в других восточноазиатских странах, связанными с освободительным движением, достаточно обратиться к работам Сукарно («Идеология Великой Азии», 1924 г.), где он называет русско-японскую войну первым успешным, а потому показательным выступлением против западного империализма; Ганди М. («Хинд Сварадж или Индийское самоуправление», 1908 г.).

Схожую роль играли Россия и Япония и в послевоенном производственном процессе. Благодаря японским прямым иностранным инвестициям и воплощению довоенной схемы сотрудничества «полет стаи гусей» стал возможным переход азиатских аграрных государств в категорию развитых стран. Благодаря мобилизующей роли советского правительства стала возможной технологическая модернизация аграрных государств Восточной Европы и Центральной Азии. Также как и Япония в государствах ЮВА, Россия создала на пространстве Советского Союза впечатляющую систему взаимодополняющих производств и оставила там систему инфраструктурных объектов. При этом на экономическое продвижение, также как и Япония (например, студенческие восстания в Таиланде в 1970-е гг.), Россия нередко встречала откровенный протест в союзных государствах (например, выступления в Праге в 1960-е гг.).

Фактор наличия страны-инициатора регионального сотрудничества важен для обоих рассматриваемых нами регионов. На фоне ослабления структурных (экономических и идеологических) позиций России после распада СССР и Японии после коллапса экономики «мыльного пузыря» в 1980-е гг. в обоих регионах наблюдалось появление новых региональных игроков. В регионе Восточной Азии на этот период произошел переход Тайваня, Южной Кореи и Сингапура в категорию развитых государств и они переняли у Японии ведущие позиции по части технологий и финансирования. Аналогичным образом на фоне политического и экономического кризиса России в 1990-е гг. происходит переориентация государств Восточной Европы и Прибалтики в направлении европейского сотрудничества, а на постсоветском пространстве происходит укрепление позиций Казахстана и Украины.

Перспективным представляется на сегодняшний день сравнительный анализ институциональных структур СНГ и АСЕАН при введении фактора китайской политики, поскольку Китай входит в региональное азиатское сотрудничество через формат АСЕАН+3. При этом если для АСЕАН приоритетными являются вопросы экономического сотрудничества, то Китай непременно обходит в нем острые углы, обозначая взаимно перспективные, а не конкурентные сферы. Это главное отличие его сегодняшней позиции от позиции, например, Южной Кореи, заявляющей свои ведущие установки в

производстве техники на жидких кристаллах. Несмотря на то, что Китай не входит в структуры СНГ, он успешно участвует в сотрудничестве в приоритетной для евразийского региона сфере безопасности через структуры ШОСа. При этом он гарантирует тем самым необходимую собственному успешному развитию ресурсную безопасность через развитие кооперации с государствами Центральной Азии (речь идет, главным образом, о поставках природного газа из Узбекистана). В то же время на севере и северо-западе Россия и государства СНГ становятся для Китая еще и буфером военной безопасности.

Литература

1. Скотт Д. Кто будет лидером XXI века?//Вестн. МГУ. Сер.12. Политические науки. – 2009. - №6. – 3-36 с.
2. Исида М. Мэконтиики-но кэйдзайкайро то нихон-но кэйдзайкёрёку. (Экономические коридоры района Меконг и экономическое сотрудничество Японии).//Gaiko Forum. – 2009. - №9. – 48-50 с.
3. Кавасима С., Мияги Т., Тамура Х. Нихон-га мотомэру Адзия, Адзия-га мотомэру Нихон. (Азия, нуждающаяся в Японии, и Япония, нуждающаяся в Азии).// Gaiko Forum. – 2008. - №12. – 22-29 с.
4. Мацуура М. Адзиасюги-ни тахомэн-кара хикари-о. (Освещающая азианизм с различных позиций).// Gaiko Forum. – 2008. - №12. – 38-40 с.
5. Мияги Т. Сэнго-ни хисому «Адзиасюги». (Скрытый послевоенный азианизм)// Gaiko Forum.- 2007. – №2. – 57-63 с.
6. Stalling B. Regional Integration in Latin America. Lessons for East Asia. In: East Asian Regionalism. Ed. by Nakamura T. London: Routledge, 2009. 296 p.
7. Trans-Pacific Relations: America, Europe and Asia in Twentieth Century. Ed. by R.Gensen, J.Davidann, and Yo.Sugita. Westport, Connecticut, 2003. 304 p.